

Наш Штоколов (К 90-летию со дня рождения)

Впервые о том, что Штоколов мой земляк, я услышал от моего отца. В незрелом сознании молодого человека, каким тогда был я, факт отложился, но вскоре благополучно забылся в текущей круговерти начинающейся взрослой жизни. Вспомнил о нём внезапно новогодней ночью, когда, устав от наскучивших дежурных героев нашей эстрады, раздражённо переключил телевизор на канал «Культура» и попал на концерт, посвящённый памяти Лучано Паваротти. Великий тенор... Милая Италия, свято помнящая своего любимого Лучано... Всемирно известная концертная площадка «Арена ди Верона»... Красивые голоса певцов с мировыми именами... Господи, какой подарок сердцу! В моих глазах стояли слёзы. И вдруг – за державу стало обидно? – сознание обожгла горькая мысль: а ведь у нас есть свой Лучано, конгениальный Паваротти певец – Борис Тимофеевич Штоколов... Отец говорил, он – наш земляк... Так начался мой личный путь к биографии великого певца.

Не могу утверждать, что сегодня знаю о Штоколове всё, однако готов поспорить с каждым, кто усомнится в точности и достоверности собранных мной сведений. Великий русский певец Борис Тимофеевич Штоколов родился в городе Новокузнецке (тогда – Кузнецке) 19 марта 1930 года в Сад-городе (завокзальная часть нынешнего Куйбышевского района). Местом проживания семьи, указанным отцом Бориса Тимофеевича в книге регистрации новорожденных, названа улица Когольивка, дом № 1. Где в Сад-городе находилась эта улица, улица ли это была вообще, пока установить не удаётся. Не удаётся пока также ответить на вопрос, появился ли Борис Тимофеевич на свет в родильном доме или, как тогда нередко случалось, его приняла на дому повитуха. Но что могут значить такие мелочи в сравнение с главным фактом – Штоколов родился на нашей земле, он наш. Когда я сообщил об этом моём открытии моему другу, профессору Томского университета Галине Ивановне Климовской, также родившейся в Сад-городе, она радовалась, как ребёнок. Полагаю, тысячи других людей, родившихся в Новокузнецке, Новокузнецком районе, в границах области в целом, узнав о том, что они являются земляками великого человека, также будут гордиться этим приятным обстоятельством.

В Новокузнецке Борис Тимофеевич прожил шесть лет. Видимо, вскоре после его рождения (ждали третьего ребёнка) семья переехала на новое место жительства – в Заречневский (ныне – Кузнецкий) район на улицу Томская, 6, в дом, принадлежавший до 1917 года некоему Василию Толмачёву. Сегодня это верхняя часть улицы Луначарского, что прямо под крепостью, недалеко от Спасо-Преображенского собора. И снова не могу не обратить внимания земляков на удивительное обстоятельство – как на кузнецкой земле сошлись два великих имени: Достоевский и Штоколов. Ниже Спасо-Преображенского собора и несуществующей ныне Одигитриевской церкви расположено место, куда приезжал к своей возлюбленной Фёдор Михайлович Достоевский, выше – дом, в котором прошли детские годы Бориса Тимофеевича Штоколова. И писатель, и певец прославили Россию на весь мир.

В первой половине 1936 года отца Штоколова, Тимофея Ильича, боевого командира, офицера, работавшего в должности заведующего секцией (отделом) одного из управлений рабочего снабжения города, назначили начальником (председателем) ОСОАВИАХИМа (аналог нынешнего ДОСААФ), находившегося в посёлке Кузедеево в сорока километрах от Сталинска (в который к этому времени в очередной раз был переименован Новокузнецк). Кузедеевский период стал, по всей видимости, самым ярким, самым счастливым и, вместе с тем, самым драматичным в жизни Бориса Штоколова, чертой, разделившей его жизнь на неизгладимые «до» и «после». Из города с его однообразной монотонной рутинной мальчик попадает в живую природную среду – красивое старинное село, бывшее некогда одним из форпостов казачьей Бийской военной линии, где сохранилась церковь, отсутствовали заводские дымы, а вокруг простиралась полная жизни бескрайняя загадочная тайга, обрамлённая светлой тёплой рекой Кондома... У ОСОАВИАХИМа, где главным действующим лицом был его отец, имелся планер, и иногда над посёлком можно было видеть полёты настоящего, как представлялось детскому воображению, самолёта. Не тогда ли у будущего певца зародилась тяга к небу – впоследствии Штоколов окончит авиационную школу и даже станет курсантом Серпуховского военно-воздушного училища, готовившего военных лётчиков? В доме Штоколовых был достаток, которого ни до, ни после жизни в Кузедеево семья не имела. Рассказывая о кузедеевском периоде своей жизни, Штоколов в качестве своего рода свидетельства такого достатка упоминает ведро с мёдом, которое всегда стояло у них в сенях. Отец Бориса был уважаемым человеком в селе, войти в дружбу с которым стремились не только местные жители, но и проживавшие в окрестностях охотники и владельцы пасек. Он брал сына в тайгу, когда ездил за мёдом, а однажды даже взял его на охоту, оставившую в детской памяти неизгладимые впечатления. «Меня оставили на телеге и строго приказали сидеть на месте, – писал он в автобиографии. – Но из сильного любопытства (да и оставаться одному мне было страшно) я тихонько, прячась по низине, пошёл за ними (охотниками – В.Т.) по болоту и увидел большого медведя, идущего на задних лапах, а на одной из передних висела большая гиря с оборванной цепью. Отец выстрелил, очевидно, промахнулся, и тут медведь повернулся и пошёл на отца. Отец ещё и ещё выстрелил, и медведь рухнул». В Кузедеево у Бориса появилась собака – сильная, умная сибирская лайка Джульбарс, которую он использовал как тягловую силу, когда катался на санках или на коньках, кот и даже настоящий медвежонок, которого подарили отцу охотники и который однажды, когда никого не было дома, залез на крышу и разобрал кирпичный дымоход. Тогда же, как видно, будущий великий певец близко приобщился к делу, которому посвятит всю свою жизнь, а именно: к вокалу. Не чуждые искусству родители Бориса пели дома и участвовали в художественной самодеятельности в местном клубе – исполняли под гитару песни и старинные романсы. «Все эти песни и романсы остались у меня в памяти с детства», – вспоминал певец. Именно в Кузедеево Штоколов пошёл в школу – «самовольно», без ведома родителей, признавался он, вместе со своим другом, соседским мальчишкой Лёней Сафоновым записал себя в первый класс. Мальчику было шесть лет. Маленький Боря, что называется, вживую наблюдал непростую жизнь ОСОАВИАХИМа – военизированного лагеря, в котором готовили молодых людей к службе в армии: стрелять,

«рубить лозу» шашкой, преодолевать препятствия... Здесь отец впервые посадил его на лошадь и разрешил пострелять из нагана... Спустя много лет, став всемирно известным певцом, изредка навещавший родину Штоколов всегда старался проехать в Кузедеево – повидать земляков и пройти по земле, с которой у него были связаны и самые светлые, и самые горькие воспоминания.

Беда пришла откуда её не ждали. Заместитель Штоколова-старшего по ОСОАВИАХИМу, Пётр Прудников, метивший на его место, написал донос в НКВД, обвинив своего начальника в срыве покоса и потраве сельскохозяйственных культур в ходе военно-полевых учений. У Тимофея Ильича отобрали партбилет, а его самого объявили врагом народа. Это случилось в сентябре 1938 года. Один из молодых сотрудников НКВД, о котором в истории сохранилось только имя – Пётр, пожалевший отца многодетного семейства (мать Бориса, Елизавета Ивановна, была беременна четвёртым ребёнком), посоветовал срочно уехать, пока не появилась санкция прокурора на арест. В тот же день под покровом ночи на двух телегах семья Штоколовых навсегда покинула село Кузедеево, а вскоре – и Сибирский край (в который входила тогда нынешняя Кемеровская область). Скрыть отъезд было невозможно. Написавшие донос Прудниковы жили в одном доме со Штоколовыми – казённый дом был построен на двух хозяев. Когда подводы тронулись по дороге в сторону железнодорожной станции, жена Прудникова, Мария, осыпая проклятиями мать семейства, бежала за последней телегой и веником заметала следы – женщина не хотела, чтобы Штоколовы вернулись. «Я очень хорошо помню тот вечер, – вспоминал Борис Тимофеевич, – когда Василий Яковлевич Внуков (сосед Штоколовых. – В.Т.) отвозил нас на станцию Аил. Мы ехали в телеге по тайге поздно вечером. Джульбарс запрыгнул на телегу и лизал меня, он чувствовал, что мы расстаёмся с ним навсегда. Я видел, как у него текли слёзы. Я тоже плакал». Признаюсь, не удержался от слёз и я, дорогой читатель, когда читал эти строки. А потом, спустя время, когда сердце успокоилось, а голова обрела способность к рациональной работе, написал стихотворение, посвящённое этому, возможно, самому драматическому событию в жизни великого певца.

Дорога на Аил*

(Памяти Бориса Штоколова)

Собака плакала, и плакал с нею ты...

Телеги стук уснувшую тайгу тревожил...

Едва начав, ты жизнь той ночью прожил,

измерив счастье горечью беды.

Дорогу к дому заметали яро –

---

* В 30-е годы прошлого века поселение у железнодорожной ветки Сталинск (Новокузнецк) – Мундыбаш в районе села Кузедеево. Впоследствии стал частью разросшегося посёлка Кузедеево. Сегодня бывшее поселение и собственно посёлок соединяет улица под одноимённым названием – Аильская.

не возвращайтесь никогда назад!..
Горел в ночи недобрый бабий взгляд,
и звёзды зажигались в небе ярко.
Что мы без Родины? Корабль на мели...
Остался пёс бродягой одиноким...
Но помнили родную землю ноги,
когда тебя по свету повели...
Твоя звезда, взошедшая в Сибири,
не обманула неземных надежд –
ты одолел проклятия невежд
и сбросил с ног судьбины горькой гири...
Герои – армия невидимых богов,
что нас ведут по жизни окаянной...
Как нет упрямей Планка постоянной,
так нет страшней у подлости врагов.

В этом году музыкальный мир будет отмечать 90-летие со дня рождения великого русского певца Бориса Тимофеевича Штоколова, моего земляка, нежно любившего свой родной край. Многих известных людей произвела на свет кузнецкая земля, единицы – тех, кто прославил её на весь мир. Штоколов был одним из них. Его имя стоит в одном ряду с великими именами мирового вокала. В одном только Париже Штоколов выступал 15 раз. Современники называли его «советским Шаляпиным». Штоколову аплодировал весь мир от Австралии до Америки и Канады. В музыкальных энциклопедиях мира он значится как великий русский бас. О красоте и силе его голоса слагали легенды. Расскажу об одном эпизоде, о котором поведала мне внучка двоюродного брата Бориса Тимофеевича, Алёна Штоколова. «Когда он приезжал, – написала она мне, – естественно, накрывался стол, собирались гости, и никак не могло закончиться застолье без песен от Бориса. Однажды он стал петь в гранёный стакан, от его баса доньшко стакана лопнуло. Представляете! Конечно же, на гостей это произвело неизгладимое впечатление». Шаляпин силой своего голоса гасил свечи, Штоколов – раскалывал гранёные стаканы.

Родина заждалась своего героя. Пора, пора Борису Тимофеевичу возвратиться домой... Теперь, конечно, не вживую, но хотя бы в людской памяти. А между тем родина не

готова к встрече с ним. Ни в Новокузнецке, где Штоколов родился, ни в Кузедеево, где он пошёл в школу и некоторое время жил, до сих пор не сделано ничего для увековечения его памяти. Да что там увековечение, о том, что он – наш, знают единицы. А как было бы здорово, если бы, например, на Соколухе открыть кафе, назвав его «У Штоколова», где всегда можно было бы в хорошем качестве прослушать произведения нашего великого земляка. Под горой заасфальтировать площадку для автомобилей, а от неё протянуть к кафе канатную дорогу с фуникулёром, чтобы все желающие могли полюбоваться панорамой города с высоты птичьего полёта и заодно почтить память великого певца – ведь под Соколухой Борис Тимофеевич на свет и появился... Поэту Владимиру Маяковскому, которого знают только у нас в России и который никогда не был в Новокузнецке, в городе стоит великолепный памятник из бронзы. Память Бориса Тимофеевича Штоколова, которого знает весь мир и для которого Новокузнецк является родным городом, не увековечена никак. Нет памятника, нет названной в его честь улицы, нет памятной стелы на месте, где стоял его дом, нет музея, нет даже мемориальных досок в местах, где он многократно бывал. А между тем корни Штоколовых на кузнецкой земле глубоки. На Редаковском кладбище, например, покоится прах его родных дедушки и бабушки, его двоюродного брата... Какие доводы следует привести ещё, чтобы понять наконец главное: Штоколов – наш...

Слушая долгими зимними вечерами романсы и арии великого певца, заставляю себя верить, что не перевелись на русской земле люди, болеющие душой за свою страну, свой народ и его настоящих героев. Не тоннами выплавленных чугуна и стали или добытого угля измеряется величие нации; оно измеряется величиим человеческого духа. Борис Тимофеевич Штоколов блестяще продемонстрировал это всему цивилизованному миру.

P. S.

Уже после того, как статья была написана, удалось стереть ещё два белых пятна из биографии Бориса Тимофеевича Штоколова – ответить на вопросы «где» и «как» он появился на свет. Оказалось, родился Борис Тимофеевич недалеко от центра нынешнего Новокузнецка – в Больничном Городке, расположенном между современным ГИДУВом (сохраняю историческое название нынешнего НГИУВ – Новокузнецкого государственного института усовершенствования врачей) и Площадью Побед, что около НМК (Новокузнецкий металлургический комбинат; до 2003 года – КМК). В известной монографии о Б.Т. Штоколове Германа Поплавского, послужившей отправной точкой в моих поисках, сообщается, что Борис Тимофеевич родился «в одном из ...зданий, находящихся неподалёку от нынешнего драмтеатра...». Таким зданием, сделал вывод я, мог быть только нынешний

перинатальный центр, расположенный сразу за драмтеатром и Дворцом Metallургов (Metallургов, 22). Именно здесь первоначально находился роддом № 1. Однако, как оказалось, здание было построено осенью 1938 года (факт сообщил мне мой добровольный помощник в деле, заместитель директора новокузнецкого краеведческого музея краевед Пётр Петрович Лизогуб). Стало быть, родиться в нём Борис Тимофеевич не мог. Близко знавший Бориса Тимофеевича и связанный с ним продолжительной дружбой Герман Викторович Поплавский, человек, отличающийся редкой порядочностью и скрупулёзным отношением к фактам, рассказывая о кузнецком периоде жизни своего героя, указывает, что история излагается им «по воспоминаниям самого Штоколова». И у меня нет оснований не доверять ему. Но тогда, что произошло – каким образом в биографию вкралась ошибка? Полагаю, случилось следующее.

Навещавший время от времени Новокузнецк Штоколов, по всей видимости, бывал и в том месте, где он, по рассказам родителей, появился на свет. Этим местом был упомянутый выше Больничный Городок. Тогда, в 30-е годы, этот район назывался Нижней Колонией, так как, в отличие от Верхней Колонии, расположенной *за* КМК на горах, располагался *внизу* – *перед* будущим КМК. Штоколовы жили в полутора-двух километрах от комбината в Сад-городе (нынешняя заводская часть Куйбышевского района), и, скорее всего, готовившуюся подарить жизнь сыну Елизавету Ивановну, мать Бориса, привезли рожать именно сюда, в Больничный Городок, где имелось специализированное акушерское отделение (на фото оно расположено сразу справа). Насколько мне известно, в Верхней Колонии имелась тогда только амбулатория – поликлиника (в которой отсутствовало родильное отделение) появилась там уже после рождения Штоколова – в 1934 году. Даже если предположить, что мать Бориса Тимофеевича могла попасть туда случайно, то всё равно возникают сомнения: расположена амбулатория была от Сад-города значительно дальше, чем Больничный Городок, к тому же дорога туда пролегла тогда через строящийся меткомбинат (нынешний автомобильно-пешеходный тоннель в то время ещё не был построен), что, естественно, не могло не затруднить путь к месту назначения. А если учесть, что других медицинских учреждений в городе тогда не было, то с большой долей вероятности сегодня можно утверждать, что Борис Тимофеевич Штоколов родился в Больничном Городке Нижней Колонии.

Больничный городок. Справа – акушерское отделение, где родился Б. Штоколов. Фото нач. 1930-х гг.

Ошибка же в свидетельстве Германа Поплавского объясняется просто: либо память изменила Борису Тимофеевичу, сообщившему автору книги сомнительный факт, либо самый автор, никогда не бывавший в Новокузнецке, не удержал в памяти свидетельство Бориса Тимофеевича – зданием, недалеко от которого находился роддом и которое послужило своего рода ориентиром для Поплавского, был не нынешний драмтеатр, а Театр Metallургов (Штоколов в нём бывал), располагающийся как раз на месте бывшего Больничного Городка Нижней Колонии. Впрочем, обмануться в такого рода свидетельстве было немудрено: помимо драмтеатра, в городе имеются Театр Metallургов, Дворец Metallургов и Дворец Культуры Аллюминьщиков. Даже мой друг и сосед по даче, Валерий Иванович Беликов, родившийся и всю жизнь проживший в Новокузнецке, вплоть до этих моих разысканий искренне полагал, что появился на свет в здании нынешнего перинатального центра, то есть там, где в 1937 году (когда он родился) роддома ещё не было. Что уж говорить о лицах, которые в Новокузнецке либо никогда не бывали (как Поплавский), либо бывали изредка и лишь на короткое время (как Штоколов).

В. Турнаев,

доктор исторических наук,

действительный член Афинской Академии образования и науки.

Тел. 8 950 578 94 26